

СХИАРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ (АМЕЛИН), НАСТОЯТЕЛЬ († 1958)

Великий старец схиархимандрит Серафим был истинным последователем богомудрых настоятелей Глинской пустыни. Именно ему во многом обязана обитель своим духовным расцветом и внешним благоустройством. При нем прославилась Глинская пустынь святыми старцами — духовными руководителями иноков и мирян к вечному спасению. Отец Серафим (в миру Симеон Дмитриевич Амелин) родился 21 июля 1874 г. в деревне Соломино Фатежского уезда Курской губернии. Родители его, простые крестьяне, воспитывали детей в страхе Божиим и послушании старшим. У Симеона был брат Тихон, впоследствии также послушник Глинской пустыни. Семья жила строго и благочестиво. Родной дядя Симеона (о. Нил) подвизался в Глинской пустыни.

После смерти матери отец Симеона стал настаивать, чтобы тот женился, но душа благочестивого юноши стремилась к духовному подвигу. В 1893 г. он ушел из дома и поступил в Глинскую пустынь. Отец его вначале был этим недоволен, но, приехав в обитель, смягчился и сказал ему: "Раз ушел в монахи, так уж и живи, не уходи отсюда".

В монастыре Симеон трудился сначала на общих послушаниях, ежедневно ходил на откровение помыслов к старцам, обучался подвигам поста и молитвы, читал творения святых отцов. Уже в эти годы его отличала особая тихость нрава и кроткая сдержанность в обращении. Глубоко почитая настоятеля обители схиархимандрита Иоанникия (Гомолко), Симеон очень внимательно относился ко всем его наставлениям. Поучения настоятеля о том, что без хранения ума все духовные подвиги ни во что не вменяются, побудили молодого подвижника постоянно наблюдать за собой, обдумывать каждое слово и дело, контролировать свои помыслы и чувства. Все греховные движения души открывал он старцу. Откровенность, простота и искренность были качествами, которые Симеон воспитал в себе еще в родительском доме. Такая бдительность постепенно позволила ему стяжать трезвение, которое "есть необходимая принадлежность истинного духовного делания". Конечно, не обходилось без скорбей и искушений, но он все переносил со смирением, старался подавлять нетерпение и раздражительность, обретая внутренний мир и успокоение в самоиспытании и самоукорении.

Все более и более убеждался Симеон в спасительности монашества, возлюбил его всем сердцем и стремился к нему. Великой радостью для него было пострижение в 1899 г. в рясофор, а 28 ноября 1904 г. в мантию с именем Серафим. С этого времени он особенно ревностно подвизался о своем спасении, следил, чтобы ум не развлекался, но был погружен в молитву или благочестивые размышления. С детства он не любил много говорить, но теперь молчание стало для него путем к постоянному богомыслию, средством к тому, чтобы ум был устремлен к небесному, а язык ни в чем не согрешал. Путем такого делания стяжал о. Серафим сокрушение сердца и истинное покаяние.

Трудясь на послушании в живописной мастерской, куда он был определен в 1899 г. о. Серафим стремился не только изображать видимыми красками духовный мир, но запечатлеть образ Христа у себя в сердце. Занятия иконописью подготовили и утончили его ум и чувства к восприятию всего духовного. В короткий срок он овладел искусством живописи и был

поставлен начальником живописной мастерской.

Много потрудился подвижник для приобретения смирения: старался не сравнивать себя с другими, а всегда считать хуже всех, "вменять себя ни во что". В этом многотрудном для души делании ему помогали советы старца, имя которого осталось для нас неизвестным из-за смирения о. Серафима, не рассказывавшего ничего о себе. Его духовное преуспеяние выразилось в том, что он приобрел спокойствие души, духовное просвещение ума и сердца, ясное познание пути добродетелей. Совесть его, очищенная трезвением, давала теперь истинную оценку всему, что встречалось в жизни, внушала то, что действительно спасительно для души. И это не укрылось от его собратьев.

Внимательные иноки стали замечать, что там, где появлялся о. Серафим, водворялся мир. Недоразумения как-то незаметно и скоро разрешались, ссорящиеся легко и просто примирались, всякое недоброжелательство исчезало. Многие удивлялись тому, что молодой еще о. Серафим, казалось бы ничем не выделявшийся, не имевший каких-то особых подвигов, даже ничего не говоривший, приносил с собой душам окружающих тот мир Христов, которого так ищут подвижники. Невольно многие старались быть ближе к о. Серафиму, но он, любя всех равно, как братьев во Христе, удалялся от бесед, от особенных привязанностей, всегда искал уединения и молитвы, не отказывая, однако, в совете и духовной поддержке тем, кто этого просил.

В 1913 г. о. Серафим был рукоположен во иеродиакона, а в 1917 г. — во иеромонаха, в этом же году его назначили исполнять должность ризничего в обители. Настоятель архимандрит Нектарий, видя его духовную зрелость, возложил на о. Серафима в ноябре 1919 г. ответственную и особенно тяжелую в те тревожные годы должность казначея обители, в которой он подвизался до закрытия монастыря, будучи во всех делах "правой рукой" настоятеля. За усердное исполнение своего послушания в 1920 г. он был награжден наперсным крестом. После закрытия Глинской пустыни о. Серафим жил в селе Ковенки Шалыгинского района Курской (после 1938 г. Сумской) области, занимался столярно-слесарными работами.

Еще во время революции он тайно принял схиму с тем же именем Серафим. Став схимником, о. Серафим как бы совсем ушел от внешнего мира в свой внутренний, сердечный, обретая там Бога. Поразительно было его дарование жить в миру внутренне потшельнически.

С 1941 г. о. Серафим стал служить в Ильинской церкви села Ковенки, открытой после прихода немцев. Многие богомольцы обращались к нему за советом и получали духовную поддержку. Он вернулся в Глинскую пустынь в 1942 г. и много потрудился в деле восстановления обители и возрождения ее духовных традиций. Святой своей жизнью, кротостью и любовью он всех привлекал к себе. Многие избирали его своим старцем и ходили к нему на откровение помыслов. Братия обители так любили и уважали его, что единогласно избрали своим настоятелем.

Иеросхимонах Серафим был утвержден в должности настоятеля Глинской пустыни и возведен в сан игумена епископом Белгородским Панкратием (Гладковым) 29 мая 1943 г.

В этой должности о. Серафим усилил свои подвиги, предался великому воздержанию и слезно молился о возрождении духовной жизни обители во всей ее былой славе. Он принял настоятельство в возрасте 69 лет и был уже преисполнен благодатных дарований. Всю свою подвижническую жизнь о. Серафим любил молчание, так как занимался Иисусовой молитвой, а она несовместима с многословием. Путем этого внутреннего делания он достиг духовного безмолвия и ангельского бесстрастия. До самоотвержения преданный заботам о благе обители, о спасении вверенных его руководству душ, он оставался спокойным и самособраным,

несмотря на многотрудные и разнообразные обязанности настоятеля монастыря. Никогда не было в нем суетливости или раздражения. Благоразумный и рассудительный, он и среди многих попечений умел жить, как затворник, пребывая в умно-сердечной молитве. Эта его непрестанная, вдохновенная молитва незримо ограждала братию от всех козней вражеских.

Путем непрерывной внутренней борьбы, самоуничужения, скорбей и всякого рода испытаний о. Серафим получил и великое дарование — любовь к Богу и ближним, горящую в его душе, подобно сильнейшему огненному пламени. С братьями обращался он, как с родными детьми. Из любви к ним только и вступал в беседу, и то очень редко, при этом говорил лишь о работе над умом и сердцем. Он учил братии быть внимательными, жить в благочестии, волю свою не творить, а иметь полное послушание. Наставлял всегда коротко, четко, ясно. Слово его содержало высокое назидание и отличалось особенной меткостью, так как ум о. Серафима, просветленный благодатью, ясно постигал истины Божий. Он всей душой любил эти истины и когда говорил о них, то слово его шло от сердца к сердцу и было всегда действенно и плодоносно.

Старец во всей полноте имел дар прозрения в тайники человеческих душ. Приходившие к отцу настоятелю ясно видели, что все их мысли и чувства открыты ему и без слов ощущали тесный духовный контакт со старцем. В обращении с о. Серафимом приоткрывалась тайна молчания. Когда старец в последние годы болел и ему трудно было говорить, то ради его святых молитв многие, лишь побыв в его келлии и даже не сказав ни слова, получали благодатные дарования, уходили утешенные, исцеленные душой. Просившиеся к нему во время болезни уверяли келейника, что не будут беспокоить отца настоятеля своими вопросами. Они стремились хоть недолго побыть возле благодатного старца. (Во время болезни старец у врачей не лечился. Врачи, приезжавшие из Москвы, сами у него лечились с большой духовной пользой.)

Рядом с ним отлетало все ненужное, суетное, наносное. Человек становился самим собой и получал редкую возможность видеть себя как бы со стороны, таким, каков он есть. Каждый сам ощущал свои грехи и невольно приходил к искреннему раскаянию. Тогда старец с кротостью говорил два-три слова на пользу душе, и эти слова, как драгоценное сокровище, человек хранил незабвенно всю свою жизнь, благодаря за них Бога.

Пребывая в своей келлии в молитве, о. Серафим знал все, что происходит в монастыре. Его опытному взору были открыты все духовные нужды братии. Например, однажды он вызвал к себе в келлию молодого ревностного монаха, который так сильно постился, что даже заболел. Был Петров пост, а отец настоятель налил ему полный стакан кефира и велел пить. Из послушания монах выпил, хотя никогда в жизни не нарушал поста. Тогда о. Серафим сказал ему: "Вот так, и не перегибай палку!" Мудро удерживал он молодых подвижников от непомерных подвигов.

Смирение было господствующим качеством его души. Оно проявлялось во всем: и во внешнем виде, и в поступках. Даже схиму старец носил тайно: не только в документах, которые он подписывал по делам обители, но и в своем послужном списке никогда не указывал, что он схимник. Смирением он всех покорял, даже тех, кто был недоволен. Замечания делал с кротостью, но в случае необходимости своим словом мог смирить людей, много о себе думающих, этим он оказывал ближнему духовное милосердие. В келлии его на письменном столе всегда лежала записка с изречением одного из Киево-Печерских подвижников:

"Аще ты постник еси и без сна пребываеши, но обои укоризны не перенес, то не узришь спасения".

"Укоризну пейте как воду".

Но особой отличительной чертой духовности о. Серафима было его миротворчество. Этот дар начал проявляться еще в молодые годы отца настоятеля, но теперь он раскрылся во всей полноте. Внутренний мир, мир Христов, который царил в его смиренномудрой душе, нес о. Серафим всем окружающим и объединял миром и любовью самых разных людей. Мир — это духовное сокровище, которое Христос принес на землю, примирив Своей крестной жертвой человека с Богом. Посланный с неба мир является благодатной силой, которая приводит к гармонии человеческие души. Именно этот дар через о. Серафима распространял свое спасительное действие на всю братию и богомольцев. Недаром во время настоятельства о. Серафима жизнь обители была наполнена миром духовным и тишиной. Это отмечали не только братия, но и многочисленные паломники, посещавшие Глинскую пустынь.

Примером всей своей жизни о. Серафим учил, что мир Христов находится очень близко, его можно обрести через веру, добродетельную жизнь и Православную Церковь. Когда на богослужении, выходя из Царских врат, о. Серафим произносил краткие, но благодатные слова "Мир всем", то, проникая в души молящихся, эти слова способствовали не только их духовному возрождению, но изливались на всех их близких и родных. Людям открывалось, что Православная Церковь не только хранит божественное наследие мира Христова, но и непрестанно раздает его всем в нее входящим.

Отец Серафим поистине был миротворец, молитвы которого низводили в сердца братии небесную благодать, укреплявшую их в духовной жизни.

По болезни в последние годы жизни он редко возглавлял богослужения, но если служил, то всегда со слезами, особенно во время Божественной литургии, когда углублялся в размышления о любви Божией к роду человеческому. Богослужение, совершаемое им, имело особую благодатную силу: своей благоговейностью, красотой, духовностью и величием потрясало человеческую душу, влекло ее к небу.

По молитвам о. Серафима и у всех иереев обители было духовное, благоговейное, святое отношение к священнодействиям. Когда они сослужили отцу настоятелю, то опытно познавали, что всякое священнодействие есть великая духовная реальность, воплощение Духа истины. Открывалось это и благоговейно молящимся в храме, поэтому дней, когда служил отец настоятель, особенно ждали.

Мудрым душепопечительством была проникнута вся деятельность о. Серафима. Он умело налагал послушания, так как всегда безошибочно видел, к чему более способен человек и какое послушание полезнее для спасения его души. За жизнью в монастыре, за всеми мелочами он следил тщательно. Отец Серафим не любил повелевать и показывать свою власть, но всегда и во всем был сам начальником и руководителем. Ходил он и по келлиям. Увидев однажды, как молодой послушник лег на кровать в валенках, сказал: "Ты зачем на чистую постель в валенках улегся?" Так он поучал, чтобы во всем совесть монахи блюли, даже и в отношении к вещам.

Отец Серафим пользовался огромным авторитетом и уважением. Кроме духовного возрождения, обитель обязана ему и внешним благоустройством. Братия считали себя блаженными, что находятся в послушании у такого старца; одно только его присутствие вселяло в них бодрость духа и воодушевляло на подвиг.

Господь еще при жизни прославил Своего угодника явными чудесами. Например, редкий был день, когда о. Серафим не обходил всех послушаний. Он шел по монастырю, но не каждому было дано его видеть. Это открывалось только духовным старцам. Старцы низко кланялись, а молодые монахи спрашивали, кому они кланяются. Те с благоговением отвечали: "Отец настоятель прошел!" Сами великие Глинские старцы учились у него, а известный святостью жизни схиархимандрит Андроник (Лукаш) особо благоговел пред ним и был у о.

Серафима келейником.

Глубоко почитали о. Серафима и все правящие архиереи. Так, епископ Белгородский Панкратий (Гладков) в первый же год настоятельства о. Серафима наградил его палицей и крестом с украшениями. Архиепископ Сумской и Ахтырский Корнилий (Попов) в 1946 г. отзывался о нем как о старце "высокой религиозной настроенности, любимом братией и верующими за обходительность и добродетельную жизнь,, достойном преемнике прежних славных в подвижнической жизни настоятелей прославленной Глинской пустыни". Иларион (Прохоров), епископ Сумской и Ахтырский, в 1948 г. возвел о. Серафима в сан архимандрита и назвал "благоговейным и усердным молитвенником, уважаемым братией за добрую жизнь".

Но особенно почитал архимандрита Серафима преосвященный Евстратий (Подольский), управлявший Сумской епархией в 1951—1958 гг. Он писал Святейшему Патриарху Алексию I: "Строгий к себе, благочестивый отец настоятель архимандрит Серафим зорко следит за поведением всех послушников и не допускает ни для кого никаких отступлений от правил монашеской жизни", "архимандрит Серафим — человек прекрасной души". А для бывшего насельника Глинской пустыни епископа Степанаванского, впоследствии митрополита Тетрицкаройского, Зиновия (Мажуги, в схиме Серафима) архимандрит Серафим был истинным духовным наставником. Преосвященный Зиновий неоднократно посещал Глинскую пустынь и пользовался душеспасительными советами отца настоятеля.

Время настоятельства о. Серафима условно можно разделить на два периода: 1943—1952 и 1953—1958 гг. Первый период был очень трудным. В эти военные и первые послевоенные годы в обители не хватало самого необходимого, земли почти не было. Скота тоже было мало.

После освобождения Сумской области от немцев органы Советской власти обязали пустынь платить большие налоги.

Иноки Глинской пустыни жили в крайней бедности (в 1946—1947 гг. голодали), но всем, что было в обители, делились с богомольцами, помогали им, как только было возможно, особенно заботясь о сиротах и вдовах.

Но, несмотря на все трудности, духовная мудрость и молитвы настоятеля быстро умножали братию монастыря.

В 1944 г. в обители было уже 37 насельников, в 1952 — 60.

О бедности обители в тот период свидетельствует донесение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия Святейшему Патриарху Алексию от 3 мая 1952 г., в котором сказано, что здания монастыря "пришли в ветхость, нужны денежные средства для приобретения материалов и оплаты труда по ремонту строений", келлии монахов переполнены, необходимо "приобрести постельное белье, так как постели насельников... и верхнее одеяние монашествующих изношены; для упорядочения монастырских условий, ввиду престарелого возраста и инвалидности монашествующих, нужно пополнить монастырь трудоспособными насельниками".

В этих тяжелых материальных условиях главной целью отца настоятеля был подъем духовной жизни братии и богомольцев, их нравственное перерождение, стяжание ими Духа Святого. "Ревностный по проведению в обители строгого Афонского устава", отец настоятель восстановил строго подвижнический уклад жизни Глинских иноков, весь день которых был заполнен молитвой и трудами послушания.

Основой духовного воспитания иноков Глинской пустыни, как и в прежние времена,

было старчество. Если архимандрит Нектарий (Нуждин) только начал дело его возрождения, то при о. Серафиме (Амелине) старчество процвело в обители и принесло обильные духовные плоды. Ежедневное откровение помыслов, полное отсечение своей воли и безусловное послушание стало нормой жизни для Глинских иноков. Их высокая целенаправленность была результатом старческого окормления.

В конце 40-х годов в Глинскую пустынь вернулись такие великие старцы и духовные светочи, как схиархимандрит Андроник (Лукаш) и схиархимандрит Серафим (Романцов). Благодаря их молитвам и трудам, духовное окормление иноков и мирян процвело в обители во всей полноте.

Периоды расцвета и упадка духовной жизни всегда были связаны с возрастанием или уменьшением роли духовного руководства. Возрождение старчества в Глинской пустыни обусловили такой подъем духовной жизни в обители, что слава "о святости жизни насельников Глинской пустыни, строгости ее устава и аскезы" распространилась по всей стране.

После десятилетнего управления обителью о. Серафимом (Амелиным) наступил второй период его настоятельства (1953—1958) — период расцвета и благоустройства Глинской пустыни.

В духовной жизни Глинская пустынь занимала самое высокое место. Как и прежде, обитель была центром духовного просвещения, старческого окормления и нравственного возрождения. Не только многие архиереи, но и сам Святейший Патриарх Алексий отзывался о Глинской пустыни как о знаменитом, строгом монастыре, глубоко почитал ее опытных старцев и считал их руководство душеспасительным. Строго подвижническая жизнь Глинских старцев, высокий духовный авторитет ее настоятеля собирали в монастырь ревнителей настоящего иноческого жития.

Средоточием духовной жизни обители были старцы: архимандрит Серафим (Амелин), схиигумен Андроник (Лукаш) и иеросхимонах Серафим (Романцов). Как писал епископ Сумской и Ахтырский Евстратий, "трудами о. Андроника, о. Серафима — духовника и настоятеля архимандрита Серафима крепла и процветала Глинская пустынь". Под их руководством возрос целый сонм подвижников, многие из которых впоследствии пронесли старческие традиции Глинской пустыни по всей стране.

Обитель, мудро управляемая о. Серафимом, стала поистине духовной лечебницей для душ, истерзанных грехом, потерявших или не нашедших смысл жизни, скорбящих и страждущих, ищущих вразумления, утешения, духовной поддержки, а также разрешения своих сомнений и недоумений.

Число паломников, приезжающих в Глинскую пустынь со всех концов страны, с каждым годом возрастало. Особенно много богомольцев приезжало в этот период из Москвы. Бывали и опытные врачи, знаменитые хирурги, которые лечили братию и даже делали операции. В 1955 г. в Глинской пустыни была оборудована аптека. Богомольцам тоже оказывалась медицинская помощь и выдавались лекарства. В библиотеке монастыря было много духовной литературы. Не только иноки, но и богомольцы могли взять здесь те книги, которые духовник благословил им прочесть.

В монастырь приходило много писем. Отец настоятель избирал из среды братии духовно опытного инока на должность письмописца. Отец Серафим сам читал подготовленные ответы и, найдя их духовно полезными, подписывал. Нередко, получив письмо из Глинской пустыни, человек изменял всю свою жизнь и устремлялся к духовному совершенствованию, поскольку к наставлениям и советам иноки присоединяли свою горячую

молитву о том, кто просил у них помощи.

Расцвет духовной жизни в обители обусловил и ее материальное благополучие. После тяжелых лет лишений, перенесенных иноками с истинным смирением и терпением, Матерь Божия послала монастырю благодетелей. Со всех концов страны стали поступать в Глинскую пустынь денежные переводы и посылки. Получая в обители все самое драгоценное для души, люди стремились помочь монастырю чем только было возможно. Доходы Глинской пустыни быстро возрастали — в основном за счет пожертвований богомольцев.

Увеличение доходов монастыря позволило отцу настоятелю и внешне благоустроить обитель. По молитвам Глинских старцев органы Советской власти хоть и не в полном объеме, но все же разрешили строительство новых зданий. Прежде всего архимандрит Серафим начал строительство общежития для монашествующих, так как помещений в обители крайне не хватало. К 1955 г. была закончена постройка нового жилого дома с подвалом для овощей. В этом здании разместились келлии для монахов, а с западной стороны дома — аптека. В 1955—1958 гг. под руководством о. Серафима в обители были также построены: трапезная с кухней, пекарней и подвалом для хранения продуктов и овощей; кузница, новая каменная прачечная, большой кирпичный сарай со столярной мастерской, сапожная мастерская, гараж, склад для хранения продуктов и одежды с бетонным овощехранилищем под ним. В 1955 г. обитель приобрела грузовую машину и мотоцикл.

Отец Серафим украсил и храм пустыни. В нем был устроен новый иконостас, поставлены еще два заклиросных иконостаса. Значительно обновлена и пополнена была ризница монастыря.

В феврале 1957 г. архимандрит Серафим обратился к епископу Евстратию с просьбой освободить его по болезненному состоянию и старости (ему было уже восемьдесят четыре года) от обязанностей настоятеля. Наряду с этими причинами едва ли не основной было стремление старца в конце жизненного пути совершенно предаться богомыслию и безмолвию. Пребывая телом на земле, он давно уже духом был в Горнем Иерусалиме, но заботы о многообразной жизни обители не позволяли ему полностью отрешиться от дел земных, несмотря на затвор, в котором он провел последние годы,

Братия, хотя и скорбели о решении о. Серафима уйти на покой, но по его благословию выбрали настоятелем архимандрита Тавриона, который находился в обители с 1913 по 1922 г., обучаясь в живописной мастерской под руководством о. Серафима, затем о. Таврион посетил Глинскую пустынь лишь в начале 1957 г.

По распоряжению Святейшего Патриарха Алексия архимандрит Таврион (в миру Тихон Данилович Батозский) был назначен настоятелем Глинской пустыни 14 марта 1957 г., а 25 апреля принял все дела от архимандрита Серафима. Но в должности настоятеля о. Таврион пробыл менее года, так как не оправдал доверия братии. В Глинской пустыни, обители, истинно православной, он стал вводить западные, католические обычаи церковной жизни.

Кроме того, всем прихожанам он разрешал причащаться без исповеди ежедневно, а это является нарушением канонических правил.

Особенно недовольна была братия тем, что о. Таврион ни о чем не советовался с глубоко почитаемым в монастыре, старшим его по возрасту и по духу, бывшим настоятелем архимандритом Серафимом. Это было нарушением монашеских правил. Наконец, о. Таврион ни в чем не считался с мнением старцев Глинской пустыни, а поступал самовластно.

Стремясь защитить православие в обители, насельники монастыря неоднократно обращались к епископу Евстратию и, как в личной беседе, так и письменно, выражали свое недовольство нововведениями настоятеля.

СХИАРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ (АМЕЛИН)

13 января 1958 г. о. Серафим, по желанию братии, опять был назначен настоятелем Глинской пустыни.

К этому времени многотрудный старец архимандрит Серафим уже угасал. Пятнадцать лет был он во главе духовного вертограда и не только собрал, но и приумножил братию Глинской пустыни, во всей полноте возродил старчество и древний устав обители, внутренне и внешне украсил монастырь, создал все условия для духовной и материальной помощи богомольцам.

Безмерная любовь к братии и попечение о благе пустыни заставили его опять взять на себя бремя настоятельства, но лишь на несколько месяцев, поскольку боголюбивая душа его уже была готова к переходу в вечность. Всего два дня поболел о. Серафим перед кончиной. В день памяти великих Московских святителей, в субботу 18 октября 1958 г., он стал как бы отмахиваться руками (как говорили старцы "бесы лезли за братию"), но потом лицо о. Серафима просветлело, сделалось сияющим, и он с великой радостью отошел ко Господу.

В воскресенье вечером игумен Феоген (Таран) совершил заупокойное всенощное бдение. В понедельник 20 октября на погребение великого старца прибыл епископ Степанаванский Зиновий (Мажуга). В сослужении двадцати священников и четырех диаконов он совершил заупокойную литургию, затем отпевание и произнес прощальное сердечное слово, посвященное высокодуховной жизни отца настоятеля, и так утешил братию, что они со слезами благодарили его. После отпевания гроб с телом схиархимандрита Серафима был обнесен вокруг храма. Погребение совершили при огромном стечении священнослужителей, иноков и богомольцев, глубоко почитавших о. Серафима. У южной стены храма, возле алтаря, гроб был опущен в могилу.

Братия пребывала в сердечной горести о разлуке со смиренномудрым и любвеобильным отцом, молитвенником, преданным Богу и Церкви, который жил не для себя, а для Бога и для других, и явил пример истинно монашеских подвигов, высоких духовных дарований. Великим утешением для братии было то, что и после смерти глубокочтимый старец не оставил своих чад. Так, он неоднократно в облачении являлся во сне одному ревностному молодому Глинскому монаху, поучал его, как надо жить в монашестве, учил умеренности в подвиге.

После закрытия обители в 1961 г., при перезахоронении усопших старцев от храма на общее братское кладбище, были обретены нетленные мощи схиархимандрита Серафима. Даже облачение и гроб святого старца не были повреждены тлением.

Цитируется по книге:

Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский Патерик. М., «Самшит», 1997 г.